

Мережковский Дмитрий Сергеевич

Иисус Неизвестный

Том 2. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Д53

Д53 **Дмитрий Сергеевич М.**
Иисус Неизвестный: Том 2. Часть 1 / Мережковский Дмитрий Сергеевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 330 с.

ISBN 978-5-519-96276-6

ISBN 978-5-519-96276-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И міръ Его не узналъ.

Καὶ ὁ κόσμος αὐτὸν οὐκ ἔγνω.
(Ιο., 110).

1

КАНА ГАЛИЛЕЙСКАЯ

1

„Время исполнилось, и приблизилось царство небесное; покайтесь (обратитесь) и вѣруйте въ Блаженную вѣсть“ (Мк. 1, 15) — началъ Иисусъ проповѣдовать, сойдя въ Галилею съ Іудейской нагорной пустыни, гдѣ искушаемъ былъ діаволомъ, а въ Іерусалимѣ, дня за три до смерти, кончилъ такъ:

Царство небесное подобно человѣку царю, который сдѣлалъ брачный пиръ для сына своего.

И послалъ рабовъ своихъ звать званыхъ на брачный пиръ; и не захотѣли придти (Мт. 22, 2—3).

Вспомнилъ ли Иисусъ въ эти послѣдніе дни Свои тотъ первый день, когда пришелъ къ людямъ съ Блаженною Вѣстью о царствѣ Божіемъ? Если первое и послѣднее, начало и конецъ, есть главное во всякомъ дѣлѣ, то, судя по такому концу и такому началу, главное въ дѣлѣ Господнемъ есть царство Божіе, брачный пиръ, гдѣ Мать Земля — невѣста, а Сынъ Человѣческій — женихъ.

II

Брачный пиръ у Синоптиковъ — въ словѣ, а въ IV-омъ Евангеліи, — въ дѣлѣ, въ „чудѣ-знаменіи“.

Въ Канѣ Галилейской положилъ Иисусъ начало знаменіямъ, ἀρχήν τῶν σημεῖων, и явилъ славу Свою (Io. 2, 11).

Тотчасъ послѣ Вифавары-Вифаніи, перваго явленія славы, — второе, — Кана Галилейская; послѣ крещенія въ водѣ — претвореніе воды въ вино. Это связано съ тѣмъ не только внѣшне, по времени, но и внутренне, по смыслу; то противопоставляется этому: постъ и пиръ, скорбь и радость, вода и вино, законъ и свобода.

Самъ Иисусъ противопоставляетъ Себя Іоанну Крестителю:

до Іоанна — законъ и пророки, а послѣ него, царство Божіе благовѣствается (Лк. 16, 16).

Но кому уподоблю родъ сей? Дѣтямъ подобенъ онъ, которые, снѣдая на площади, перекликаются: мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали; мы пѣли вамъ надгробныя пѣсни, и вы не рыдали. Ибо пришелъ Іоаннъ — ни ѣсть, ни пьеть; и говорятъ: „въ немъ бѣсъ“. Сынъ человѣческій пришелъ, — ѣсть и пьеть, и говорятъ: „вотъ обжора и пьяница“, φῆγος καὶ οἰκολόγης (Mt. 11, 16 19).

Послѣднихъ двухъ кощунственно-грубыхъ словъ смягчать не слѣдуетъ: знаетъ, конечно, Господь, чтó дѣлаетъ, когда воспоминаетъ ихъ, съ какой, должно быть, грустной и къ человѣческой глупости милосердной усмѣшкой!

„Лучше бы этого пьянаго чуда не было вовсе въ Евангеліи“, думаютъ о Канѣ трезвые, такъ называемые

нравственные, люди, „сухіе“ отъ вина, но не отъ крови, которую лили на войнѣ, какъ воду, вчера и будутъ лить завтра. То же могли бы подумать и многіе изъ нынѣшнихъ *какъ будто* христіанъ, будь они поискреннѣй передъ собой и читай Евангеліе менѣе слѣпыми отъ привычки глазами. И надо правду сказать: „пьяное чудо“ какъ будто нарочно рассказано такъ, чтобъ это подумали „трезвые“.

III

Въ брачной горницѣ стоятъ для „очищенія іудейскаго“, омовенія рукъ и ногъ передъ трапезой, шесть водоносовъ, огромныхъ каменныхъ чановъ, по три мѣры воды въ каждомъ (Іо. 1, 6). Греческая мѣра жидкости, *метреть*, іудейская — *батъ* (bath), — около 40 литровъ¹: въ каждомъ чану-водоносѣ три-четыре мѣры — отъ 80 до 120 литровъ; въ шести — отъ 500 до 700. Слуги наполняютъ ихъ водою „до-верху“, „до края“ (Іо. 2, 7): помнитъ рассказчикъ и эту подробность, видимо радуясь всему, что усиливаетъ впечатлѣніе полноты и щедрости дара.

Свадебные пиры длились, по тогдашнему іудейскому обычаю, не менѣе трехъ, а иногда и семи дней. Судя по огромному количеству воды въ шести чанахъ, достаточному для омовенія множества гостей, домъ — большой и богатый; должно быть, и запасъ вина обильный. Если же истощился онъ весь, и такъ неожиданно, что для пришедшихъ съ Іисусомъ новыхъ гостей вина не хватило (а новаго негдѣ было, вѣроятно, купить въ маленькомъ городкѣ-селеніи), то значитъ, всѣ эти дни пили очень много.

Худшее вино (слабѣйшее) подаютъ, когда люди *напьются*, а ты хорошее (крѣпчайшее) сберегъ доселѣ (Іо. 2, 10), —

шутить съ женихомъ, какъ будто черезчуръ весело-
пьяно, *архитриклинъ*, начальникъ слугъ (столько ихъ
въ домѣ, что нуженъ начальникъ: тоже признакъ бога-
таго дома). Значить, и въ тотъ день, когда приходитъ
на пиръ Иисусъ, гости уже напились; и вотъ, шесть
новыхъ, полныхъ до края, чановъ — по-нашему, бочекъ,
чтобъ не прекращался пиръ.

Этого „пьянаго чуда“ никогда не поймутъ трез-
вые, но, можетъ быть, поймутъ такіе святыя, Господ-
нимъ виномъ упоенные, какъ Францискъ Ассизскій и Се-
рафимъ Саровскій.

Духа Богъ даетъ не мѣрою (*Io. 3, 2*).
Приняли же мы всѣ отъ полноты Его...
благодать на благодать (*Io. 1, 16*), —

радость на радость, щедрость на щедрость, или, какъ
сказали бы тѣ, на Канскомъ пиру упоенные, — „мѣру
на мѣру“.

Да, надо самому опьянѣть, чтобы понять это пья-
ное чудо.

IV

Вспомнимъ іудейскихъ прозелитовъ, Эллиновъ, при-
шедшихъ къ Иисусу за шесть дней до Голгофы и услы-
шавшихъ слова Его о святѣйшей тайнѣ Елевзинскихъ
мистерій:

если пшеничное зерно, падши въ землю,
не умретъ, то останется одно;
если же умретъ, то принесетъ много
плода (*Io. 12, 24*).

Вспомнимъ, что простонародный греческій языкъ,
на которомъ написано Евангеліе, такъ называемый „об-

цій“, *κοινὴ*, есть языкъ мистерій, „объединяющихъ родъ человѣческій“, по слову Претекстата², языкъ первыхъ двухъ объединителей, бога Діониса и Александра Великаго; вспомнимъ, что Павелъ, апостолъ язычниковъ, а за нимъ и вся Церковь до нашихъ дней называетъ величайшія святыни свои тѣмъ же словомъ, какое приносилось въ Елевзинскомъ святилищѣ: *mysteria*. Вспомнимъ все это, и мы, можетъ быть, поймемъ, почему въ самомъ эллинскомъ, „общемъ“, *κοινὴ*, и всемірномъ изъ четырехъ Евангелій, Кана Галилейская, первая вечеря Господня, съ претвореніемъ воды въ вино, такъ же какъ послѣдняя, — съ Евхаристіей, претвореніемъ вина въ Кровь, суть два наиболѣе всемірныхъ „чуда-знаменія“, въ которыхъ Иисусъ, объединивъ родъ человѣческій, дѣйствительно „явилъ славу Свою“.

V

Смѣшивать Христа съ Діонисомъ — грубое кощунство и невѣжество. Но если, по глубокому слову Августина, „то, что мы называемъ христіанствомъ, было всегда, отъ начала міра, до явленія Христа во плоти“³, то въ Діонисовыхъ таинствахъ достигнута, можетъ быть, высшая, и ко Христу ближайшая, точка въ дохристіанскомъ человѣчествѣ. Въ этомъ смыслѣ, все язычество есть вѣчная Кана Галилейская, уныло-веселое пиршество, гдѣ люди, сколько ни пьютъ, не могутъ опьянѣть, потому что вина не хватаетъ, или вино претворяется въ воду. „Нѣтъ у нихъ вина“ (*Io.* 2, 3), — жалуется Господу Мать Земля милосердная, какъ Дѣва Марія, мать Иисуса. Вина нѣтъ у нихъ и не будетъ, до пришествія Господа.

Жаждаютъ люди, уже за много вѣковъ до Каны Галилейской, истиннаго чуда, претворяющаго воду въ вино, и чудесами ложными не утоляется жажда.

Въ хорѣ Еврипидовыхъ „Вакханокъ“, кличетъ

Вакхъ: „Эвое!“ и земля вмѣсто воды въ родникахъ, источаетъ вино.

Тирсомъ въ скалу ударяетъ мѣнада, —
льется вода;
въ землю вонзаетъ свой тирсъ, — брыз-
жетъ вино⁴.

Но вѣрить ли самъ Еврипидъ въ это Вакхово чудо, такъ же какъ Плиній Натуралистъ въ чудо на о. Андросѣ, въ источникѣ Діонисова храма, гдѣ въ январьскія ноны, по римскому календарю, а по христіанскому, въ тотъ самый день, когда воспоминалась въ древней церкви, вмѣстѣ съ Богоявленіемъ, Кана Галилейская, — вода претворялась въ вино?⁵.

VI

Воду въ вино претворяетъ Господь на первой вечерѣ, явной, въ Канѣ Галилейской, а на послѣдней, Тайной, — претворить вино въ кровь.

Я есмь истинная лоза, а Отецъ Мой — виноградарь. — Сіе сказалъ Я вамъ... да радость ваша будетъ совершенна (*Io. 15, 1, 11*).

Что это за радость, и почему обѣ двери Евангелія, входъ и выходъ, затканы одной виноградной лозой, съ одинаково рдѣющими гроздьями, — этого никогда не поймутъ человѣчески-трезвые — тѣ, кто главнаго чего-то о себѣ, о мірѣ и Богѣ не знаютъ; это поймутъ только божественно-пьяные, потому что знаютъ они или узнаютъ когда-нибудь, что не утоляющее жажды, слабое и грубое, земнымъ виномъ опьяненіе, есть только вѣщее подобіе, знаменіе, иного, инымъ виномъ опьяненія, всеутоляющаго.

Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего (Іо. 15, 5).

Знаютъ они, или когда-нибудь узнаютъ, что надо человѣку „выйти изъ себя“, чтобы войти въ Бога; душу свою „потерять“, „погубить“, чтобы „найти“, „спасти“. Въ этой-то высшей точкѣ и прикасается тѣнь къ тѣлу, Діонись — ко Христу.

Вышелъ изъ себя, ἐξέβη (Мк. 3, 21), —

скажутъ о Немъ, единственно-божественно-пьяномъ, трезвые, тѣмъ же словомъ, какъ о посвященныхъ въ Діонисовы таинства.

Трепетъ и объѣлъ ихъ и ужасъ - восторгъ, ἐκστασις (Мк. 16, 8), —

скажетъ Маркъ-Петръ о женахъ, „пришедшихъ весьма рано, при восходѣ солнца“, ко гробу воскресшаго Господа (Мк. 16, 2). Если бы не этотъ „восторгъ“, „изступленіе“, „выхожденіе изъ себя“, *Экстазъ*, то не узнали бы онѣ, не увидѣли, что Христосъ воскресъ.

VII

„Землю цѣлуй и ненасытимо люби... ищи *восторга* и изступленія сего... и не стыдись; дорожи имъ, ибо оно есть даръ Божій, великій, да и не многимъ дается, а избраннымъ“, завѣщаетъ старецъ Зосима Алешѣ Карамазову⁶, и въ чудномъ, у старцева гроба, видѣніи вспомнить Алеша эти слова.

„Кана Галилейская... первое, милое чудо! Радость людскую, а не горе посѣтилъ Христосъ... Чудо сотво-

ривъ въ первый разъ, радости людской помогъ... Но кто это? Почему раздвигается комната?... Кто встаетъ?...“

Всталъ лежащій во гробѣ, подошелъ къ Алешѣ.

— „Тоже, милый, тоже званъ, — раздается надъ нимъ тихій голосъ. — Веселимся, пьемъ вино радости новой... Видишь ли Солнце наше?“

— „Боюсь... не смѣю глядѣть...“

— „Не бойся. Страшенъ величіемъ... но милостивъ къ намъ безконечно, намъ изъ любви уподобился, и веселится, воду въ вино превращаетъ, чтобъ не пресѣклась радость гостей... новыхъ ждетъ, новыхъ зоветъ, и уже на вѣки вѣковъ. Вотъ и вино несутъ новое“.

„Что-то горѣло въ сердцѣ Алеши... Слезы *восторга* — (изступленія, экстаза) — рвались изъ души его. Руки простеръ, вскрикнулъ, прѣснулъ... Опять гробъ, и тихое чтеніе Евангелія. Алеша глядѣлъ на гробъ, на закрытаго, недвижимаго, протянутаго въ гробу, мертвеца... Только-что слышалъ онъ голосъ его, голосъ этотъ еще раздавался въ ушахъ его. Онъ еще прислушивался, ждалъ... Но вдругъ вышелъ изъ кельи... Полная *восторга* душа его жаждала свободы. — Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ. — Тишина земная какъ-бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною. — Алеша стоялъ, — смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю. — Цѣловалъ ее, плача, рыдая... и *изступленно* клялся любить ее во вѣки вѣковъ. — „Землю облей слезами радости твоей и люби сіи слезы твои“, — прозвѣло въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ, въ *восторгъ* своемъ, даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему, и „не стыдился *изступленія* сего“. Нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ какъ будто разомъ сошлись въ душѣ его, и вся она трепетала, со-